XI 1980

5 7 3

ТУ-19-241-77

8

2

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—616

К. ПАУСТОВСКИЙ
ТЁПЛЫЙ ХЛЕБ
ХУДОЖНИК Е. МЕШКОВ

Когда кавалеристы проходили через Бережки, немецкий снаряд разорвался на околице и ранил в ногу вороного коня. Командир оставил коня в деревне, а отряд ушёл дальше, закатился за рощи, за холмы...

Коня взял к себе мельник Панкрат. Панкрат вылечил коня. Конь остался при мельнице и терпеливо возил глину, навоз и жерди — помогал чинить плотину.

По деревне говорили, что конь общественный, и каждый считал своей обязанностью его покормить. Постоит конь у ворот, постучит мордой в калитку, и, глядишь, ему вынесут или чёрствого хлеба, или ботвы, или даже сладкую морковку. 4

Зима в этот год стояла тёплая. Около мельничного лотка вода не замерзала. Панкрат уже починил мельницу и собирался молоть хлеб: хозяйки жаловались, что мука кончается.

В один из таких тёплых серых дней раненый конь постучал мордой в калитку дома, где жил со своей бабкой мальчик Филька по прозвищу Ну Тебя. Филька был молчаливый, недоверчивый, и любимым его выражением было: „Да ну тебя!“ 6

Филька сидел дома один и жевал кусок хлеба, круто посыпанный солью. Услышав стук, нехотя встал...

...вышел за калитку. Конь переступил с ноги на ногу и потянулся к хлебу. „Да ну тебя!“ – крикнул Филька и ударил коня по губам. А потом закинул хлеб далеко в рыхлый снег: – „На вас не напасёшься! Вон твой хлеб! Иди, копай!“

И вот после этого злорадного окрика и случились в Бережнах те удивительные дела, о каких и сейчас люди говорят, покачивая головами, потому что сами не знают, было ли это, или ничего такого не было...

Слеза скатилась у коня из глаз. Конь заржал жалобно, протяжно, взмахнул хвостом, и тотчас в голых деревьях, в изгородях и печных трубах завыл, засвистел пронзительный ветер, вздул снег, запорошил Фильке горло.

Филька бросился в дом, но никак не мог найти крыльца—так уже мело кругом и хлестало в глаза.

Наконец, Филька вскочил в избу, припёр дверь, сказал: „Да ну тебя!“—и прислушался. Сквозь рёв метели он слышал тонкий и короткий свист: так свистит конский хвост, когда рассерженный конь бьёт им себя по бокам.

Метель начала затихать к вечеру. А к ночи небо зазеленело, как лёд, звёзды примёрзли к небесному своду, и колючий мороз прошёл по деревне. Никто его не видел, но каждый слышал скрип его валенок по твёрдому снегу.

Бабка, плача, сказала Фильке, что наверняка уже замёрзли колодцы, и теперь их ждёт неминучая смерть. Воды нет, мука у всех вышла, а мельница работать не сможет, потому что река застыла до самого дна.

Филька тоже заплакал от страха, когда мыши начали выбегать из подпола и хорониться под печкой в соломе. Он забрался на печь, укрылся тулупчиком и, весь трясясь, слушал причитания бабки:

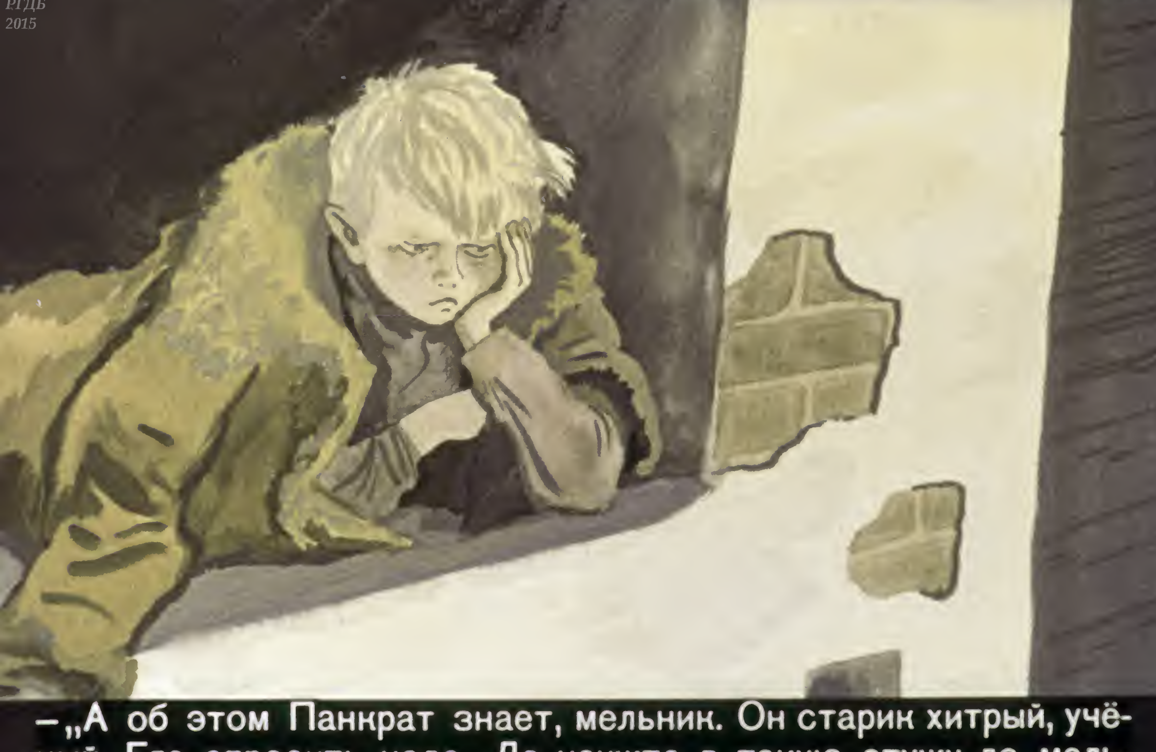
–Сто лет назад упал на нашу округу такой же мороз. Заморозил колодцы, побил птиц, высушил до корня леса и сады. Десять лет стояла мёртвой наша земля...

– „Отчего же стрясся тот мороз?“ – спросил Филька. – „От злобы людской. Обидел тогда злой мужик солдата безногого, вот и стрясся мороз... Знать, и нынче завёлся в Бережках дурной человек, обидчик...“

–„Что же теперь делать, бабка? Неужто помирать?“–„Зачем помирать? Надеяться надо–поправит дурной человек своё злодейство.“–„А как его исправить?“–всхлипнул Филька.

–„А об этом Панкрат знает, мельник. Он старик хитрый, учёный. Его спросить надо. Да неужто в такую стужу до мельницы добежишь? Сразу кровь остановится...“–„Да ну его, Панкрата!“–сказал Филька и затих.

Ночью он слез с печи. За окнами воздух был синий, густой, страшный. Филька запахнул тулупчик, выскочил на улицу и побежал к мельнице.

Снег пел под ногами, будто артель весёлых пильщиков. Казалось, воздух замёрз и между землёй и луной осталась одна пустота. Чёрные ивы около мельничной плотины поседели от стужи.

Филька постучал в окошко Панкратовой избы. Тотчас в сарае за избой заржал и забил копытом раненый конь. Филька охнул и затаился.

Панкрат отворил дверь, схватил Фильку за шиворот и втащил в избу: „Садись к печке. Рассказывай, пока не замёрз."

Филька рассказал Панкрату, как обидел раненого коня и как из-за этого упал на деревню мороз.—„Да-а! Выходит, что из-за тебя всем пропадать... За что коня обидел? Бессмысленный ты гражданин!“—„Что же мне теперь делать, дедушка Панкрат?“

–Изобрести спасение от стужи. Тогда перед людьми не будет твоей вины. И перед лошадью – тоже. Будешь ты чистый человек, весёлый. Понятно? Ну, вот и придумай. Даю тебе сроку час с четвертью.

В сенях у Панкрата жила сорока. Она не спала от холода, сидела и подслушивала. Потом она боком, озираясь, поскакала к щели под дверью.

Выскочила наружу и полетела прямо на юг. Никто её не видел, только лисица в глубоком яру заметила, как тёмной тенью пронеслась по небу сорока. Лиса долго потом гадала: „Куда ж это в такую страшную ночь подалась сорока?“ 27

– Ну, время твоё вышло, – сказал Панкрат. – Выкладывай!
Льготного срока не будет.

– Я, дедушка Панкрат, как рассветёт, соберу со всей деревни ребят. Возьмём ломы, пешни, топоры, будем рубить лёд у мельницы, покамест не дорубимся до воды и не потечёт она на колесо.

–„Ишь ты, шустрый какой! А ежели не согласятся ребята за твою дурь расплачиваться своим горбом? Ежели скажут: „Да ну его!“ – „Согласятся! Я их умолю. Наши ребята – хорошие!“ – „Ну, валяй, собирай ребят. А я со стариками потолкую...“ 30

В морозные дни солнце восходит багровое, в тяжёлом дыму. И в это утро поднялось над Бережками такое солнце. На реке был слышен частый стук ломов. Трещали костры. Ребята и старики работали с самого рассвета!

И никто сгоряча не заметил, что после полудня небо затянулось низкими облаками и задул по седым ивам ровный и тёплый ветер. Запахло весной, навозом. Ветер дул с юга. С каждым часом становилось всё теплее.

Вороны вылезли из-под застрех и обсыхали на трубах, толкались и каркали. Не было только старой сороки.

Она прилетела к вечеру, когда от теплоты лёд начал оседать, работа у мельницы пошла быстро и показалась первая полынья с тёмной водой.

А сорока сидела над плотиной и рассказывала воронам, что она долетела до тёплого моря, где спал в горах летний ветер, и упросила его помочь людям. Всем известно, что сорока – самая болтливая птица, и потому вороны ей не поверили.

Правду ли говорила сорока—неизвестно. Одно только известно, что к вечеру лёд треснул, ребята и старики нажали—и в мельничный лоток хлынула с шумом вода. Старое колесо скрипнуло и медленно повернулось.

Заскрежетали жернова, мельница затряслась, заходила ходуном и пошла стучать, скрипеть, молоть зерно. В мешки текла горячая мука. Женщины окунали в неё озябшие руки и смеялись.

Избы светились от жаркого печного огня. Хозяйки месили тугое сладкое тесто. И всё, что было живого в избах – ребята, кошки, даже мыши, – всё это вертелось около хозяек.

Ночью по деревне стоял такой запах тёплого хлеба, что даже лисицы вылезли из нор, сидели на снегу, дрожали и тихонько скулили, соображая, как бы словчиться стащить хоть кусочек этого чудесного хлеба.

На следующее утро Филька пришёл вместе с ребятами к мельнице. Он тащил буханку свежего хлеба, а совсем маленький мальчик Николка держал солонку с крупной жёлтой солью.

–„Что за явление? Мне, что ли, хлеб-соль подносите? За какие такие заслуги?“ –„Да нет!–закричали ребята.–Тебе будет особо. А это раненому коню. От Фильки. Помирить их хотим“.–„Ну что ж,–сказал Панкрат,–не только человеку извинение требуется“.

Он отворил ворота сарая, выпустил коня. Конь вытянул голову, заржал — учуял запах свежего хлеба. Филька разломил буханку, посолил хлеб и протянул коню.

Но конь хлеба не взял, попятился. Тогда Филька перед всей деревней громко заплакал. Ребята притихли, а Панкрат потрепал коня по шее и сказал: „Не пужайся! Филька – не злой человек. Бери хлеб, мирись!“

Конь помотал головой, подумал, потом осторожно взял хлеб мягкими губами. А когда съел весь хлеб, положил голову Фильке на плечо, и вздохнул, и закрыл глаза от сытости и удовольствия.

Все улыбались, радовались. Только старая сорока сердито трещала: должно быть, хвасталась, что это она помирила коня с Филькой. Но никто её не слушал, и сорока от этого сердилась всё больше и трещала, как пулемёт.

КОНЕЦ

Редактор Т. Семибратова
Художественный редактор А. Морозов

Студия „Диафильм", 1971 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. №7
Д-062-71
Цветной 0-30